

18+

Светлана Ибрагимова

ТЫ СОЗДАНА В ЛЮБВИ

Светлана Ибрагимова

Ты создана в любви

«Издательские решения»

Ибрагимова С.

Ты создана в любви / С. Ибрагимова — «Издательские решения»,

Правдивая история о семейных узах, о любви. Повествование охватывает более тридцати лет, начиная с конца 60-х годов прошлого века. Молодая девушка приезжает на два года по направлению в Башкирию, но встречает здесь свою судьбу и остается навсегда. Книга рассказывает о непростых родственных отношениях, испытаниях, которые приходится преодолевать, чтобы сохранить семью и связь между поколениями.

Содержание

Глава 1. Наденьте мне варежки!	6
Глава 2. На все лето к бабушке, или Сборы в дорогу	9
Глава 3. Мамина мама Ольга	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ты создана в любви

Светлана Ибрагимова

Посвящается моим бабушкам Ямиле и Ольге

Дизайнер обложки Ксения Салаватова

© Светлана Ибрагимова, 2026

© Ксения Салаватова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-7688-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Наденьте мне варежки!

С утра весь день шел снег. Хлопьями. Крупными хлопьями, которые ложились на щеки, нос, подбородок, и тут же таяли. Валентина торопливо закрыла бухгалтерский талмуд, обреченно вздохнув: опять не успела. Завтра придется завершить годовой отчет. Укутавшись в теплую шаль и накинув черное пальто, воротник которого был оторочен песцовым мехом, Валя выбежала из конторы. Стемнело. Подруги-коллеги уже успели уйти далеко вперед за ворота элеватора — местной многоэтажной достопримечательности. Небеса щедро сыпали снегом на всех: на здания, людей, кошек, собак, словно создавая сказочное настроение. А под фонарями снежинки кружили только им ведомый веселый озорной танец.

Вся погрузившись в мысли о наступающем Новом годе, о том, что будущей весной наконец-то вернется со службы в армии ее муж, Валентина добежала до детского сада. Заходить за маленькой дочкой в группу не пришлось: воспитатели уже предусмотрительно одели всех детишек и вывели на прогулку после сна и полдника во двор садика. Почти всех уже забрали домой. Осталась только маленькая Света и Рома, сын воспитательницы Регины Маратовны, гулявшей тут же с детьми.

— Давно ждете? — как можно бодрее спросила Валя.

— Ну да, — нехотя ответила воспитательница.

Быстренько схватив санки, отряхнув от снега маленькую подстилку-коврик и постелив на санки, молодая мама игриво скомандовала дочери:

— Света, идем! Садись! Поехали домой, дочь!

Дочь недоверчиво посмотрела на свою маму из-под заснеженных ресниц и тихо побрела к санкам, волоча за собой лопатку. Валентина ловко усадила малышку в санки, бросила как можно веселее: «До свидания!», — абсолютно не ожидая ответа, и легко повела сани по запорошенной дороге домой. Домой в маленькую квартирку, где прихожая и кухня представляли собой единое малюсенькое пространство, большую часть площади которого «съедала» печка. И еще одна комнатка: то ли гостиная, то ли спальня, а скорее, и гостиная, и спальня как единое помещение. По дороге заскочили в магазин за хлебом: Вале-килен¹, как всегда, оставляли булочку хлеба по ее просьбе.

Добравшись наконец до дома, мама и дочка вошли в нетопленную квартиру. Валя принялась раздевать дочь, поставила чайник на плиту, стала растапливать печь. Выскочив в чулан за подготовленными сухими дровами, Валентина вдруг услышала плач дочери. В ту же секунду она была уже в доме, держа три полена. Бросив дрова у печной двери, она бросилась к дочери, которая стояла у окна и плакала.

— Что случилось? — повернув к себе ребенка, спросила молодая мамочка. Дочь плакала не переставая. — Света, что случилось? Доченька, посмотри на меня, — как можно спокойнее продолжала Валентина.

Вдруг дочь посмотрела на маму и, не переставая плакать, произнесла:

— Бэйэлэй кейэ-э-э-эм²!

— Что? Что ты хочешь? Пойдем на кухню, я тебя покормлю. Сейчас суп разогрею, покушаем.

Но девочка продолжала плакать и требовать свое:

— Бэйэлэй кейэ-э-э-эм! Кулым өшөнэ³!

¹ Килен (башк.) — сноха, невестка; обращение старших родственников к снохе, невестке.

² Варежки надену!

³ Варежки надену! Руки замерзли!

Валентина растерялась на секунду. Соседей дома не было: молодая семейная пара сегодня вечером уехала в гости. Спросить было не у кого: что же дочка говорит. Не мешкая, Валя быстро оделась сама, одела плачущую дочурку, посадила ее на санки и отправилась к своей свекрови, живущей через улицу.

Нет, свекровь Ямиля не жила одна. Свекровь у Валентины была уважаемая и почитаемая женщина, мать десятирех детей. Свекор Талгат всю свою жизнь трудился на элеваторе, хозяйство всегда вели исправное: двор был полон домашней скотины и птицы. Муж Валюши, Фарит, был третьим ребенком в семье. Но свекровь всегда особо подчеркивала: «Минен баш улым⁴». Горделиво рассказывала своим соседкам и подругам, что ее старший сын служит в Казахстане, он побывал на станции Тюратам, откуда впервые человек по имени Юрий Гагарин отправился в космос. Ну, а дома оставались самые маленькие братишки и сестренки. Все названные так же, как и Фарит, на букву Ф: Фаниль, Физуна, Фан, Фария, Фанис.

Но в эту минуту Валентина думала только о свекрови: именно она умела найти общий язык с ее дочерью, со своей внучкой. Любила ее уж очень, баловала, и на поминки, аяты, из внуков и внучек брала с собой именно ее. «Эсвитокты алам аятка. Эйзэ, Эсвиток, кейен⁵», — говорила свекровь, и никто не смел ей перечить. А маленькая Света радостно начинала собираться. Гордо улыбалась и всем хотела показать свекровь Ямиля, какая дочь подрастает у ее старшего сына — точная копия Фарита.

Еще один случай вспомнился Валентине: однажды, сидя за большим семейным столом во время чаепития, свекровь взяла к себе на руки внучку. За столом остались только женщины: тетушки, сестры, двоюродные сестры и дети. Мужчины, по обычаю, были накормлены самыми первыми, женская половина проворно бегала с подношениями, то подливая бульон, то подкладывая мясо, то наливая чай. И вот когда вся мужская часть, насытившись вкусным ужином, вышла на улицу поговорить о мужских делах, уладить кое-какие вопросы, женщины остались почаявничать: сразу вспомнились какие-то смешные моменты из жизни, веселые ситуации, много смеялись, хохотали. Ямиля — мама, сестра, свекровь, бабушка — тоже искренне смеялась вместе со всеми, от души радуясь тому, что дом полон гостями, родственниками. Наливая чай из горячего самовара, она то и дело угощала всех сидящих за столом то ароматным вареньем и сытным талканом⁶, то отламывала от дружной семейки маленькие с начинкой булочки и подавала гостям. Наливая в очередную чашку кипятка из пузатого самовара, она вдруг увидела, как внучка дотянулась до горячей струи пальцами и словно хотела поймать ее, но горячая вода моментально обожгла пальчики девочке, и тут же раздался плач. Поставив чашку с чаем на стол, Ямиля быстро поднялась с малышкой из-за стола и окунула ее пальчики в холодную воду в ведре, стоявшем в коридоре на большом бачке с водой. Все тетушки, сестры, племянницы загомонили, советуя, что лучше всего делать в таких случаях. Но Ямиля шикнула на них, мол, не пугайте ребенка, сейчас все пройдет. И действительно, через пару минут Света уже успокоилась и улыбалась. Невероятной силой обладала свекровь, какой-то внутренней силой — заметила уже тогда Валентина.

Практически добежав до калитки у дома родителей мужа, Валя-килен легко открыла ее, забежала в дом со светящимися окнами, держа за руку хнычущую дочь. Все в доме сразу выбежали в прихожую, удивленно разглядывая поздних гостей.

— Килен, эйзэ үт⁷! — ласково и в то же время повелительно пригласила свекровь в дом. Валентина стала растерянно рассказывать, что не поймет никак, что говорит ее дочь, чего

⁴ Мой старший сын.

⁵ Эсвиток (уменьшит. Света), кейен (башк.) — Свету возьму на поминки.

⁶ талкан — традиционное национальное башкирское блюдо. Жареные зерна пшеницы, овса, ячменя, ржи, проса и др. злаков перемалывают на жерновах или толкут в ступе. Затем просеивают через сито: талкан бывает крупного и мелкого помола. В талкан могут добавлять мед, черемуху, масло, орехи.

⁷ Невестка, айда, проходи!

хочет, почему плачет... Сестренки и братишки ее мужа весело, наперебой стали снимать с племянницы заснеженную шубку и шапку, чем ее очень развеселили. На заплаканном лице дочери появилась улыбка. Свекровь плохо разговаривала по-русски, но русскую речь понимала хорошо. Она подошла к внучке, подняла ее своими большими, теплыми, пахнущими свежим хлебом руками и спросила:

— Йә, ниңә илайың, балакайым⁸?

Внучка прижалась всем телом к бабушке и прошептала:

— Кулым өшөнө⁹.

Тут бабушка Ямиля взяла левой рукой ее обе ручки и стала согревать их теплым дыханием:

— Иий, минең баламдың кулдары өшөгән бит¹⁰! — улыбнулась бабушка Ямиля — өләсәй¹¹.

— Ә эсәйеңә нимә тип әйттең¹²?

Повеселевшая внучка, изображая саму себя, выдала игривым тоном:

— Кулым өшөнө! Бейәләй кейәм¹³!

Тут все засмеялись, и только одной Вале-килен было не до смеха. Ей было непонятно, о чем они говорят и почему слезы ее дочери вызвали у них такой смех. «Эх, вот был бы Фарит рядом», — грустно подумала она. Тут сестренка мужа Физуна, которой в будущем январе исполнилось двенадцать лет, быстро на чистом русском языке пересказала всю ситуацию Вале-еңгәй¹⁴. Но, и выслушав историю до конца, Валентина даже не улыбнулась. Ей не было смешно. Она не хотела, чтобы подобная история случилась с ней еще раз. Посмотрев с жалостью и с какими-то нарастающим чувством вины на дочь, обнимавшую бабушку Ямилю, Валюша твердо решила с сегодняшнего дня учить башкирский язык. Чтобы понимать родную дочь. Чтобы разговаривать с ней на родном для нее языке. И со всеми будущими детьми. Ведь они с Фаритом мечтали иметь много детей.

⁸ Ну, что ты плачешь, деточка?

⁹ Руки замерзли.

¹⁰ Иий, у моей малышки ручки ведь замерзли!

¹¹ бабушка.

¹² А маме что сказала?

¹³ Руки замерзли! Варежки надену!

¹⁴ Еңгәй (башк.) — сноха; обращение младших родственников к снохе.

Глава 2. На все лето к бабушке, или Сборы в дорогу

Лето 1975 года выдалось жарким и засушливым. Тревоги и переживания за урожай будущего хлеба возрастали с каждым днем: успеет ли вырасти, будут ли спасительные дожди — только и было разговоров среди местных жителей, основная часть которых трудилась на элеваторе. А иначе и быть не могло, ведь местное предприятие было построено именно для того, чтобы принимать, сушить и сохранять зерно на определенный период. А если не будет урожая... об этом даже страшно было подумать.

Муж Валентины, Фарит, вернулся со службы в армии домой. За эти коротенькие четыре года у них родилась вторая дочь Лира. А в декабре — по подсчетам самой Вали — они ожидали появления на свет третьего ребенка. И все в этот раз было по-другому: не тошнило Валюшу, не хотелось сладкого, а все время хотелось мяса, отварную говядину, на которую она во время первых двух беременностей смотреть не могла, а от запаха сильно тошнило. Да и живот не округлялся так откровенно. Он был незаметен, только чувствовалось сильно, как тяжелеет внизу. «Неужели мальчик?» — радостно подумалось ей. К радости молодой семьи, весной им выделили трехкомнатную квартиру в доме на двух хозяев. Наспех переехав в новое отремонтированное жилье, Валентина уже мечтала поскорее купить новую мебель, посуду. Окон теперь стало больше, и хозяйка нового жилья мечтала о новых красивых шторах и белоснежных тюлях. Представляла себе, как на каждом подоконнике будут расти ее цветы. А пока...

А пока работы было невпроворот: надо подготовить предприятие к приему урожая, а также сдача ежегодной техбазы была очень волнительным и переживательным моментом.

А как же! Ведь элеватор — единственный в районе! А ответственность за него несет директор — очень серьезный и компетентный Галиахмет Хубутдинович да главный бухгалтер Валентина Фоминична. Несмотря на молодой возраст, работники элеватора, да и жители звали ее по имени-отчеству. Знали, что она всегда внимательно выслушает, поддержит, поможет: кому аванс нужен срочно, кому — документы оформить, да мало ли...

Этим летом их старшая дочь Светлана выпустилась из детского сада. Ну куда теперь ее в самую жаркую пору? С младшей дочерью все ясно — будет ходить также летом в детский сад. А вот со старшей... Все лето дома сидеть? У свекрови Ямили и свекра Талгата внуков много. Внучки старшей дочери Фарзаны приезжают на лето к ним. Двое детей второй дочери Флюры — дочь и сын тоже каждый день там. Младший брат Фарита, сын Фатих, тоже обзавелся семьей, и в апреле у них родился сын.

«Да еще наши двое? — с грустинкой подумала Валентина. — Нет, не годится, — решила Валюша. — Надо Светлану отправить к маме в деревню. На три месяца, если понадобится». До рождения третьего малыша нужно все успеть: сдать техбазу, отчет, подучить молодых бухгалтеров, чтобы было кому оставлять бухгалтерские дела. Да и Фариту нужно подготовиться к поступлению в вуз: на семейном совете решили, что будет поступать в Уфу, в сельскохозяйственный, на заочное.

— Ну не век же тебе, Фарит, в механиках ходить. Посмотри, отец твой — Талгат Фаттахович — уважаемый работник, начальник участка. На следующий год весной подадим документы, выучишься. А пока готовься. Книги нужные, учебники я куплю, кое-что в нашей библиотеке есть, — легко уговорила Валентина своего мужа.

Валя сама очень любила учиться, после техникума мечтала окончить вуз, но не получилось: замужество, работа, требующая много внимания и времени, плюс общественная работа. А тут еще хозяйство: корова Маня, теленок Борька, курочки. Ну и сад-огород, конечно же. Какой-никакой. И соседи нет-нет да и заглядывали посмотреть и поучиться у Валентины премудростям садово-огородным. Всем была рада, выслушивала и озорно улыбалась, давала

советы, терпеливо объясняя, что помидоры и огурцы любят теплый полив и подкормки и чем удобрять черную смородину до цветения.

Валюша приехала сюда, в башкирские земли на Южный Урал, на работу по распределению на два года. Сама она была родом из Удмуртии, прямо из-под Ижевска. Лесной, ягодно-грибной край — влажно умеренный климат благоприятен был для выращивания там множества самых разных растений в саду. Вот только невозможно было, как в Башкирии, засеять и выращивать моря пшеничных, ячменных, овсяных, гороховых, ржаных полей. Земля удмуртская преимущественно глинистая. Не приспособлена под засеив огромных площадей злаковых культур. Набраться опыта, реализоваться в выбранной специальности была отправлена Валентина на два года в башкирские степи. Да так там и осталась: сначала — работа, затем встретила свою половинку, Фарита, которого полюбила с первого взгляда. «Как только он вышел на сцену в черном костюме, в белой рубашке да начал петь: „Жил да был черный кот за углом...“ — все! Влюбилась с первого взгляда!» — любила вспоминать Валентина. Да тут многочисленная родня, дети пошли. Проросла всей душой в башкирский край Валюша, прикипела всем сердцем.

Но все же скучала по дому: по маме — Ольге Александровне, которая всю свою жизнь проработала на железной дороге стрелочницей и гордо заявляла детям своим Вале, Нине и Володе: «Работайте и трудитесь как следует. У меня вона: одна-единственная запись в трудовой книжке: стрелочница на железнодорожной линии Ижевск — Воткинск Ижевского отделения Горьковской железной дороги». И она работала как следует. На совесть. От души. И была настоящим примером для своих детей. Требовательная к себе, Ольга Александровна так же требовательна была и к своим детям. Очень радовалась и гордилась своей старшей дочерью Валюшей, когда та на красный диплом окончила Чебоксарский экономико-технологический техникум в 67-м.

Тогда же, в 67-м, мама Валентины и радовалась, и огорчалась. Радовалась потому, что старшая дочь наконец-то получила профессию бухгалтера: «Все же в тепле! И получка два раза в месяц: аванс да расчет. А среди людей все же уважение и почет. Какое заявление написать — в контору и к бухгалтеру бежим, аванс выписать иль чего — тоже туда. Так что трудись, Валюша, будь добра. Людям внимания не жалеи, ты теперь на видной работе будешь. А там Бог поможет, а я благословляю». Так уехала Валентина отрабатывать по направлению на два года. Но эти два года решили всю ее судьбу: не отпустили целинные земли Валюшу обратно домой: так и осталась здесь на всю оставшуюся жизнь. Вдалеке от мамы, сестры Нины, брата Володи. Про отца редко вспоминала: говорила, что он давно переехал в Эстонию. Но говорила о нем с достоинством, с уважением. Не осуждала.

Сообщив за обедом Светлане в первые дни июня о том, что она поедет с папой к бабушке Оле на лето, молодые мама и папа увидели, как разублачилась их дочь. Конечно! К бабушке Оле! Как же маленькая Света любила приезжать к бабушке Оле! Стала спрашивать у родителей: «А можно куклу Юлю с собой? А можно краски? А можно?..» Валентина твердо, но спокойно ответила дочери: «Светлана, вы полетите на самолете. Ничего лишнего брать нельзя. Ну, возьми маленькую куклу Люсю и хватит. Там, у бабушки Оли, все найдется. А нет, так тетя Нина прикупит, не переживай». Лететь должны были на следующий день. Выезжать в аэропорт нужно было к обеду. Валя отправилась на работу, как она сказала: «На пару часиков». Фариту нужно было договориться насчет машины — с легковыми автомобилями в ту пору было непросто: их попросту не было или были единицы.

Светлана проснулась раньше обычного и в веселом настроении стала приводить в порядок свою комнату: застелила как могла постель, открыла светлые с крупными розово-сиреневыми цветами шторы. Солнце ярко светило и золотым лучом заглянуло в ее комнату. Приятно щурясь, девочка отправилась на кухню. Налила себе в чашку еще не совсем остывший чай, выпила его с пряником. Время текло томительно и медленно. Оно не шевелилось. Никто не

приходил. Никого даже в окно не было видно. Лишь одна большая черная муха истоиво билась о стекло, словно пытаясь пробить его и влететь в дом.

Света отправилась в гостиную. Собрала разбросанные вещи, аккуратно положила их на стул. Подошла к столу, покрытому изумрудной с рисунком плотной скатертью, отороченной по низу золотой бахромой. В центре стола стояла большая хрустальная ваза — подарок маминных коллег на день рождения, который отметили два дня назад, 3 июня. А в этой красивой вазе стояли любимые маминны пионы. Несколько нежных розовых лепестков упали на скатерть. Светлана ощутила обволакивающий ее аромат цветов и собрала упавшие лепесточки.

Тут же на столе лежали какие-то бумажки. «Непорядок», — подумала Света, скомкала их и унесла вместе с розовыми лепестками на кухню. «В печь», — решила она и, открыв дверцу печки, закинула туда весь мусор. Было лето, печь не топилась. Девочка решила сжечь эти бумажки. Она достала спички из нижней полки буфета, зажгла одну спичку и аккуратно поднесла ее к скомканным бумажкам, заворуженно наблюдая, как их постепенно охватывает сине-фиолетовое пламя, то разгораясь, то потухая.

Когда бумажные клочки окончательно догорели и превратились в черные рваные пепельные клочья, Светлана услышала шум автомобильного мотора. Шустро закрыв печь, она подбежала к окну в гостиной. Резко отодвинув тюлевую занавеску, Света увидела возле их калитки бобик — местный уазик. Из машины вышел отец, торопливо шагая домой. Водитель бобика дядя Коля, весело прищуриваясь, вышел из машины и закурил. Светлана бросилась к двери, чтобы встретить отца.

— Ну что, готова, первоклассница? — бодро спросил отец у двери.

— Да, — улыбаясь, ответила маленькая Света.

— Ну, пошли собираться тогда! — отец, приобняв дочь за плечи, повел ее домой. Чемодан был собран. Оставалось собраться самим. Собрать документы, взять деньги. Ну, что там еще полагается в дорогу? Вроде все готово. Кажется, собрались. Тут, запыхавшись, вбежала в комнату Валентина, держась за живот:

— Ничего не забудьте! Маме на пальто деньги отдельно положила, вот они, завернуты в бумажку. Нине и Володе подарки подписала, не перепутай. Оленьке тоже подписала. Да, Светлане возьми мешочки: укачать может ее, как в прошлый раз! — И сама тут же побежала за целлофановыми мешочками на кухню. Прибежав с кухни с дюжиной целлофановых пакетов и сунув их в карман ручной клади — коричневого портфеля мужа, она продолжила: — С аэропорта сразу на такси езжайте, поздно будет уже, как прилетите. Иначе не доберетесь до утра. Билеты взял?

Фарит взглянул на жену:

— Я думал, они у тебя... Я же вчера тебе их отдал.

Валентина бросила резкий взгляд на стол с изумрудной скатертью. Подошла. Положила руки на стол, словно вспоминая что-то...

Все это время Светлану словно никто не замечал, словно она вовсе никуда и не собиралась лететь. Тут испуганно-разочарованно-обреченный взгляд матери упал на дочь. Валентина почти шепотом произнесла, чеканя каждое слово:

— Светлана, здесь лежали билеты на самолет.

Свету словно поразила молния! Она сразу и оглохла, и онемела, и была обездвижена.

— Светлана! Ты не брала? — стараясь сдерживать себя, произнесла мама.

Дочь стояла не шелохнувшись, не смея взглянуть ни на мать, ни на отца. Наступила гнетущая тишина. И в этот самый момент из больших красивых глаз девочки стали выкатываться прозрачные бусинки слез, беззвучно падая на крашеный оранжевой краской пол. Казалось, даже было слышно удар каждой слезной бусинки. Светлана молчала. Обреченно. Виновато. Бессильно молчала. Тут отец, наконец-то догадавшись в чем дело, спросил доверительным голосом:

— Светлана, если ты их выбросила, скажи — куда?

Дочь подняла заплаканные глаза на отца, смахнула слезу и побежала на кухню, к печке. Родители, в надежде, что все не так уж и плохо, последовали за ней. Дочь открыла дверцу печки и показала пальцем на серо-черную золу... Отец уже приготовился было доставать оттуда заветные бумажки — бело-розовые авиабилеты, но увидел только сгоревший пепел. Посмотрев снизу вверх на супругу, Фарит расхохотался. Он смеялся так чисто, от души, что от его смеха заразилась и Валентина. Придерживая живот, она почти беззвучно рассмеялась. Дочь стояла в недоумении: ее простили или нет? Что же теперь будет? Так значит, это были билеты на самолет... Что же теперь делать?

Ни слова брани, ни упрека не было сказано в адрес старшей дочери Светланы тогда. Супруги, наконец сообразив, что билеты на самолет безвозвратно утеряны, приняли решение все же не отменять поездку. Наспех попрощавшись, поцеловав мужа и заплаканную дочь, Валентина осталась стоять у калитки, махнув на прощание уезжающему защитного цвета уазику и оставляющему за собой облако пыли.

В аэропорту Фариту удалось сделать дубликаты билетов по документам буквально перед самым вылетом. И полет состоялся!

Глава 3. Мамина мама Ольга

Четырехчасовой перелет с пересадкой в Уфе притомил Светлану, да и отца ее тоже. Вылетев в обеденное время, папа и дочь прибыли до конечного пункта назначения к вечеру. Было еще светло, приятная прохлада обдала их легким ветерком, вокруг приятно гудели комары. Асфальт был еще влажным после недавнего дождя, дышалось легко. Отец, высокий, красивый, черно-смольные волосы которого были аккуратно подстрижены, в одной руке держал одно- временно большой черно-желтый чемодан в крупную клетку и свой дорожный коричневый портфель, растянутый и разбухший от частого использования. В другой руке он сжимал руку дочери. Народу было много: пассажиры, прилетевшие в Ижевск, торопились быстрее добраться — кто домой, кто в гостиницу. Наконец отец махнул подъезжающему таксисту, и Светлана с папой с ветерком помчались к бабушке Оле! На все лето! — радостно колотилось сердечко у будущей первоклашки.

Бабушка была несказанно рада видеть зятя Фарита и старшую внучку Свету. Она суе- тилась у печки, доставала еще днем испеченные пироги с грибами и шаньги. Расспрашивала у зятя про свою дочь. На ее вопрос: «А чего же Валюша вместе с младшенькой не прилетели?» — отец засмутился, но через полминуты выдал: «Ей нельзя пока летать, Ольга Александровна», — и улыбнулся, глядя теще прямо в глаза. Вмиг догадавшись о причине неприезда дочери, бабушка словно заразилась обаятельной улыбкой зятя Фарита, и эта самая улыбка уже не схо- дила с ее милого и доброго лица весь остаток вечера.

На следующий день поздороваться с зятем Ольги Александровны приходили соседи — дядя Андрей и тетя Лида, баба Дуня, ее родной брат дядя Сережа и тетя Аня, а вечером на выходные приехала тетя Нина со своей семьей: мужем — дядей Витей и дочерью Олей. При- ехал также братишка мамы — младший и единственный сын бабушки — дядя Володя. Всем было интересно посмотреть на мужа Валентины, уехавшей в далекую и неведомую Башкирию.

Отец разговаривал со всеми охотно, от души пел со всеми: «Подмосковные вечера» и даже спел одну из своих любимых песен «Как только подснежник распустится в срок...» Засто- лье было душевным, по-родственному теплым. Один день посвятили покосу: отец и дядя Вик- тор помогли бабушке скосить траву на ее делянке. Отец улетел через четыре дня после приезда. Уложив гостинцы и подарки в чемодан, бабушка авансом хотела еще сытнее накормить зятя.

— Ну как же так, зять Фарит? Ну курочку-то поешь. Дорога долгая все же. Огурчики утренние, только сорвала, поешь. Вот хлебушек со сметанкой свежей давай-ка.

Но отец был сыт, улыбался и пил душистый чай.

— Мы в Башкирии, Ольга Александровна, чай любим пить. Много чаю. Горячего. С медом или с вареньем.

Бабушка всполошилась еще больше.

— Ой варенье! Варенье-то! Вот недавно сваренное, ягодное! Давай-ка положим баночку- то!

Но зять категорически отказался, объяснив свой отказ тем, что все равно не довезет.

— Видел я, как они там багаж кидают и швыряют. Не доедет баночка. Разобьется! А Вы вон, Светлану им кормите.

Отец уехал в аэропорт на такси. Тетя Нина, будучи беременной, тоже заторопилась быст- рее домой к себе, в Ижевск, вместе со своей семьей. Дядя Володя отправился в соседний район на работу. Выходные закончились.

Бабушка Оля и внучка Света остались одни в доме. Маленьком уютном доме, в котором было две комнаты. Большая передняя с огромной, чисто выбеленной печкой слева у входа да дальняя спальня, узенькая, напоминающая купе в поезде. Но как же Света любила этот бабуш- кин дом! Уютно пахнувший пирогами, травками и еще — особенным ароматом клубничного

варенья... В передней комнате, которая совмещала кухню и гостиную, а когда наведывались гости, и спальню, двустворчатые окошки с белыми рамами сказочно открывались, и можно было выглянуть в сад со стороны улицы.

А там каждое лето у бабушки всегда росли высокие сортовые тигровые лилии, некоторые были выше Светланы: даже сохранилась фотография, где она стоит подле этих красивых грациозных цветов с поднятой правой рукой выше своей головы, демонстрируя высоту и красоту этих растений. Росли в уголке сада мальвы самых разных цветов и оттенков, словно похваляясь своим многообразием колора. Ну, а в центре всего этого великолепия размашисто, щедро раскинул свои колючие ветки с округлыми листьями крыжовник. Щедро усыпана была каждая веточка прозрачными, пузатыми, созревающими ягодами.

Окошки бабушкиного дома также выглядывали во внутренний дворик, где можно было увидеть невысокие, но добротные ворота и деревянный настил — дорожка от ворот к дому. Соседки и подруги, приятельницы бабушки Оли, частенько приходили к ней: кто за советом, кто за свежим, «утрешним» молочком, а кто баню просил «в аренду», мол, «дети издалека приедут, а банька-то в ремонте».

Бывало, проснется рано поутру подоить коровушку Милу — так ласково бабушка называла свою кормилицу: «А как же иначе? Она же корМИЛИца моя», — а на крылечке уже стоит закрытая чистая пустая трехлитровая банка, а под ней бумажный желтый рубль. Улыбнувшись: «Приехали внуки у Гали», — Ольга Александровна ставила банку на стол в сенях, а рубль хозяйски деловито убирала в среднего размера жестяную круглую баночку из-под монпансье, подаренную лет десять назад на Рождество, и ставила на деревянную полочку.

Подойв свою большеглазую буренушку, бабушка Оля за веревку уводила ее на выпас. Не выгоняла. А именно уводила. Бережно. Любовно. Перейдя железнодорожный путь, который уверенно возвышался аккуратно за задними огородами жителей деревни Позимь, хозяйка находила на опушке лесочка нехоженое место и глубоко вставляла в землю железный штырь, крепко привязанный за кольцо к другому концу веревки.

— Ну, вот тебе травушка-муравушка, попасись маленько, на водопой отведу тебя в обед, как всегда, — похлопав легонько, ласково Милу по шее, говаривала она, словно та могла понять ее. Хотя по глазам коровушки смело можно было сказать: понимает. До чего же выразительный взгляд был у нее!

Придя домой, Ольга Александровна проверила внучку: девочка сладко спала. Прощемила парное молоко сразу в банки — большую и поменьше. Отнесла трехлитровку соседке: «Пусть с утра молочком напоит своих внучат». Затем, подхватив плетеное лукошко, хозяйка дома легко и быстро отправилась на пригорок лесочка по ягоды, совсем недалеко от дома, рукой подать. И как только ей удавалось так быстро и ловко собрать крупные, ароматные лесные ягоды и при этом не съесть ни одной! «Что же это я за ягодница такая, если начну есть одну за другой? Нет уж! Сначала собрать надобно, а потом уж — извольте! — и есть можно». Именно «есть», а не «есть». Именно «сначала», а не «сначала». И звучало это так мило, ласково, по-родному.

Принеся полное лукошко ягод, Ольга Александровна разложила их в прохладном чулане на деревянной кровати, застеленной старенькой, но чистенькой голубой скатертью. В это время как раз и просыпалась внучка. Открыв сонные глаза от проникающего яркого солнечного света и увидев, что бабушки рядышком нет, она спрыгивала с высокой кровати-перины и, топая босыми пятками, выбегала в чулан. Бабушка Оля уже бежала ей навстречу, приговаривая: «Я здесь, я здесь, матушка моя. Потеряла меня, да? Пойдем-ка мы с тобою кашки сварим, чайку попьем с молочком, а? А прежде умыться надобно. У нас с тобой сегодня мно-о-о-ого дел. По воду сходить надобно, грядки полить, пока не жарко, да сорняки вон одолели, повыдергать надо их на картошке-то. Растут и растут, окаянные, не спрашивают...» День начался.

Особенно Светлана любила ходить с бабушкой в магазин «за хлебушком». Деревня Позимь — это одна длинная улица, по обе стороны которой, а кое-где только с одной стороны

— теснятся дома. Разные: деревянные, каменные, кирпичные. Магазин был на другом конце деревни, вернее, в самом ее начале, там и клуб, и почта, и все административные постройки — контора, сельсовет. Магазин был универсальный. Так и было написано крупными буквами: «Универсам». Бабушка с внучкой подходили аккуратно к подвозу свежего ночного хлеба, часам к 11. Обычно рядом уже стояли женщины, прячась в тени березовой рощицы, начинавшейся сразу за магазином.

До чего же Светлана любила эти моменты! Бабушка Оля почтительно здоровалась со всеми, улыбалась и словно молодела прямо на глазах! Некоторые женщины постарше звали ее Оленька или Олька (именно Олька, а не Ольга). Шутили с ней, спрашивали о том о сем, пристально разглядывая ее внучку.

— Глазастая какая! Больно смугленькая!

На что улыбчивая Ольга Александровна с удовольствием отвечала:

— В отца, зятя Фарита.

И начиналось обсуждение других новостей: кто родился, кто женился...

Именно в эти коротенькие минуты внучка пристально разглядывала свою бабушку Олю, словно видит ее впервые в своей жизни. Высокая, стройная, в красиво повязанном летнем платочке, улыбающаяся, обнимающаяся со своими подругами, мамина мама предстала в совершенно новом свете. Моложе. Может, это из-за того, что вокруг были бабушки постарше? Нет, бабушка Оля казалась теперь намного интереснее, и ее светящиеся глаза словно освещали ее всю изнутри. Женщины помоложе советовались с ней: сколько метров ткани нужно купить на свой размер, если платье с накладными карманами, как у бабушки, да просили как-нибудь показать, как делаются рюши.

— Уж больно красиво у тебя получилось на сиреновом платьице, тетя Оль!, — одаривали комплиментами посвежевшую бабушку Олю. Глаза ее оживились, обаятельная улыбка словно магнитом притягивала всех, даже не совсем близко знавших Ольгу Александровну, жительниц деревни.

Наконец подъезжала машина — хлебовозка, останавливалась у дверей магазина. Молодой водитель Санек — как все его здесь звали — выпрыгивал из кабины, шумно и весело здороваясь со всеми, открывал боковые дверцы зеленого цвета с надписью «Хлеб» и начинал разгружать поддоны со свежим хлебом. Вкусный запах разносился кругом. Продавщица тетя Полина бойко принимала хлеб, ловко хватая по четыре булки и расставляя на полки.

Вскоре машина ГАЗ-52 отправлялась в следующую деревню, шумно кряхтя мотором. А женщины, так и не успев наговориться, медленно и даже нехотя, проходили внутрь магазина, уважительно пропуская впереди себя тетюшек постарше.

Вот и подошла очередь бабушки Оли: взяли булочку хлеба, пачку дрожжей, сахара пять килограммов. Бабушка достала из маленького кожаного кошелька бумажные три рубля зеленоватого цвета. Шустрая тетя Полина взвесила сахарный песок, положила на прилавок все продукты, а на тарелочку — сдачу.

— Леденец нам дай-ка на сдачу, Полина, да спички, — попросила Ольга Александровна.

Светлана несла хлеб и сладкий леденец — петушок в прозрачной обертке. Ей очень нравилось ходить по этой дороге: даже если прошел дождь, грязи не было, потому что почва была словно из желто-коричневого мелкого песка. И пыли почти не было, даже когда иногда проезжали машины. Очень сильно отличалась земля здешняя от той, на которой родилась и жила Света. Тогда, в детстве, она об этом не задумывалась. Просто любила шагать по этой дороге рядом со своей замечательной бабушкой.

В деревне в самом разгаре шел сенокосный сезон. В один из июньских дней забежала близкая подруга бабушки — баба Дуня. В темном платье, с зачесанными назад волосами, закрепленными на макушке коричневым гребешком, держа в правой руке красненькое яблочко, она шумно ворвалась в дом:

— Доброго денечка вам!

Подошла к рукомойнику и шумно, по-свойски погромыхая, вымыла руки с мылом. Посмотрев на обедающих ароматной аппетитной окрошкой бабушку и внуку, долго не думая, присела рядом на свободный табурет. Затем тут же достала из кармана своего мрачноватого платья яблочко, протянула его девочке.

— На-ко! Погрызи потом! Мытое! — и улыбнулась.

Света взяла фрукт из рук бабы Дуни и молча положила его около бабушки, которая уже накладывала подруге порцию окрошки в красивую суповую тарелку с незабудками.

— Ну что, имЯнинница, встречай гостей давай! Завтре придем поздравляться!

Бабушка привыкла к своей подруге, как к своей тени. Она была ей как сестра. В самые трудные минуты и в самые радостные баба Дуня не спрашивала, нужна ее помощь или поддержка, она просто была рядом. Конечно, бабушка была рада видеть свою близкую подругу.

— М-м-м! Какая окрошка-то вкусная у тебя получилась, Оль! — нахваливала она бабушку Олю.

Внука, искоса поглядывая то на бабу Дуню, то на бабушку, продолжала есть. Наконец, Ольга Александровна включилась в разговор. В своем доме она была полноправной хозяйкой, степенной, домовитой. И всегда очень прямолинейной.

— Да кто придет-то, Дуня? Никого этошним летом не звала, не юбилей чать, — пыталась возразить бабушка.

Но баба Дуня, зная ее скромный и сдержанный характер, все же вознамерилась отметить день рождения своей близкой подруги.

— Да ты не стони! Придем мы с Галкой да Андрей с Лидой! А как ты хотела? У тебя вон, внучка-первоклассница приехала, а ты нам ее и не кажешь! И не противься, Оль! Да и подарочек мы тебе уже припасли! — восклицая на каждом предложении, выпалила баба Дуня.

Бабушка строго сказала:

— Нина с семьей приедут завтре вечером.

Подруга, дожевав и проглотив, громко вернула:

— Не боИсь! Баньку я тебе истоплю! Помою все как следоват! Да, Светунь?!

Бабушка не согласилась, но и не отказалась. Только словно внутри потеплело у нее: строгий взгляд стал задумчиво-загадочным. И по одному взгляду на нее баба Дуня сразу поняла: согласна!

С самого утра откуда-то взялись силы затеять сладкие пирожки со щавелем, с картошкой и грибами — для тех, кто любит поострее и посытнее. Потом на самодельной печке в огороде жарились лепешки. Лепешки! Вкусные, горячие, хрустящие! А на горячее бабушка готовила на той же печке пахучую, аппетитную гречневую кашу с домашней тушенкой. А какой стоял аромат! Настоящий запах праздника!

На большом деревянном столе на красивом подносе лежали свежeweмытые огурчики, петрушка, укроп, лук зеленый. Только что принесенные с грядки, они выглядели очень аппетитно и натюрмортно: капельки воды блестели на солнышке. Бабушка достала из погреба баночку с маринованными опятами, маленькую эмалированную кастрюльку со свежей сметаной, еще баночку со свежесваренным клубничным вареньем.

Баба Дуня подошла ближе к обеду. Держа в одной руке черную тканевую сумку, а в другой — букет красивых полевых цветов, она шумно, как всегда, вошла во двор.

— Будь здорова, имЯнинница! С рождением тебя, Ольга Александровна! — поставив сумку у крыльца, напрямик направилась к своей любимой подруге.

Бабушка улыбалась и вся светилась от радости. Обнялись. Поцеловались. Сняв с плетня чистую трехлитровую банку с широким горлышком, баба Дуня ковшом зачерпнула воды из стоявшего поблизости ведра, налила чуть больше половины и аккуратно установила цветочное великолепие в емкость.

— Ну вот, теперь ставь, куда душе угодно! — громко и командно повелела она.

Бабушка приняла букет в банке, приблизила лицо, вдохнула аромат луговых цветов, зажмурив глаза. Очень счастливая и радостная, она поставила цветы на стол во дворе.

— Дуня! Сегодня нежарко, во дворе посидим. Уж больно хорошо на улице-то, а?

Но баба Дуня уже не слышала ее, она умчалась готовить баню: воды нанести, дрова из сарая принести, веник выбрать получше. Светлана пошла за бабой Дуней.

— А! Глазастая! Пойдем-пойдем со мной! Воды свеженькой наберем! Да затопим потихоньку баньку-то! Опосля и холодной можно налить в бочку! — так же размашисто громко комментировала действия бабушкина подруга.

Света привыкала к ней. Она молча слушала ее и буквально ходила за ней по пятам. Баба Дуня взяла ведра и пошла набирать воды из-под крана в огороде. Питьевую воду приносила бабушка из колодца, там вода была почти родниковой, очень чистой. А для полива, мытья в бане использовалась эта, из-под крана. Нет, она не была грязной. Просто попадался песок, какой-то осадок в воде. Поэтому, когда воду выливали в бане в другую емкость, нужно было выливать не до конца, чтобы вода была чистой, без осадка.

Наступил черед затопливать баню. Баба Дуня ловко чиркнула спичку о бок спичечного коробка, поднесла к открытому печному зеву, и березовые дрова вместе с проложенной снизу берестой дружно затрещали. Огонь стал расти, языки пламени вырывались наружу. Баба Дуня прикрыла печную дверцу и деловито скомандовала:

— Ну, пойдем, Светуня, гостей встречать. — И озорно улыбнулась.

Бабушка уже накрыла стол во дворе свежей клеенчатой скатертью, поставила все угощения, аккуратно накрыв их длинным белым вафельным полотенцем. Сама суежилась около печки. Тут ворота приятно и долгожданно заскрипели, и вошли соседи: дядя Андрей — полный седой мужчина с окладистой бородой и тетя Лида — чуть ниже ростом, пухленькая, с милой улыбкой на лице и в таком же милом чепчике с цветочками.

— Александровна! С именинами тебя, дорогая! — проворковала тетя Лида, и эта семья почему-то с первого взгляда понравилась Светлане. Они принесли с собой миску спелых тепличных помидорчиков, баночку цветочного меда, желтую пачку индийского чая со слоном.

Бабушка радовалась, как ребенок, и в то же время смущалась:

— Дак ну что же вы, не юбилей, чать. Столько подарков, матушки мои!

Стала усаживать гостей. Баба Дуня резво нарезала помидоры к салату из огурцов и свежей зелени, тарелка с которыми стояла тут же, щедро политая свежей белоснежной сметаной.

Тут же следом за ними появилась тетя Галя — та самая «соседка через дом», держа в правой руке полное лукошко грибов-лисичек, а в левой — вазочку со свежесобранной жимолостью.

— Доброго дня! Вот, именинница, принимай! И подарок тебе, и работа, чтобы не скучала! — поздравила она бабушку, вручая грибы, а вазочку с ягодами баба Дуня уже пристраивала на столе.

Наконец все гости уселись. Стол ломился от угощений! А овощной салат был очень ярким, красивым, аппетитным и вкусным. Бабушка принесла бутылку вина и передала соседу.

— На-ко, Андрей, уж ты командуй. Всем помаленьку наливай. И себя не забывай.

Стали поздравлять, желать здоровья. Баба Дуня достала отрез ткани из своей черной сумки, наконец дождавшейся своего черед.

— Принимай, подруга! Вот тебе от нас с Галкой на обнову! Сшей себе красивое платье и носи! Будь здорова!

Снова поцеловались. Затем встала семейная пара. Тетя Лида сказала пожелания здоровья, долголетия. Затем дядя Андрей достал из верхнего кармана клетчатой рубашки, застегнутой на все пуговицы, какую-то бумажку и произнес:

— Все, Александровна, у тебя имеется: и дом, и коровка, и дочки с сыночком, и внушки. Вот тебе лотерейный билет — желаем выиграть тебе «Жигули».

Все рассмеялись. Бабушка, смеясь, протянула руку за билетом. Дядя Андрей взял ее руку, поцеловал и вложил туда подарочный билет. Все дружно, по-родственному угощались, по-доброму шутили, весело смеялись, пели песни. Из репертуара Лидии Руслановой. «Валенки» пели все вместе и хлопали в ладоши. Баба Дуня пару раз бегала проверять баню. Потихоньку гости стали расходиться.

— Пора и честь знать, Александровна. Спасибо за вкусное угощение, — первыми засобирались дядя Андрей и тетя Лида. За ними ушла и тетя Галя, смачно поцеловав свою любимую соседку-именинницу.

Немного погодя приехала на электричке тетя Нина со своей семьей — мужем, дядей Витей, и дочкой Оленькой. Стол накрыли уже в доме. Бабушка всех кормила, угощала пирогами. С двоюродной сестрой — Олей — Светлане стало веселее. Дядя Витя во всем помогал своей теще, называл ее «мамой».

— Мама, надевайте новый халат после бани, а мы полюбуемся, — заботливо предложил он ей.

Но бабушка скромничала:

— Вот в следующий раз и надену, Виктор, обязательно надену.

Мужа тети Нины она всегда называла полным именем. Уважала. Зять с дочерью Ниной по профессии — медики, работали в одном учреждении. К тому же Виктор был военным медиком. Образованных людей бабушка особенно уважала.

Так проходили летние дни. В незамысловатых деревенских буднях. И все же каждый день был неповторимым. Однажды, в один из июльских дней, решила бабушка сводить внучек — Светлану и Ольгу — искупаться в близлежащем озере Старица. Олю родители оставили на недельку погостить.

Бабушка взяла с собой сладкий чай в термосе, всякой снеди. В два часа дня отправились на озеро. Пришлось идти минут двадцать пешком. Было довольно жарко, и пятилетняя Оля стала проситься на руки к бабушке. Тогда сумку с чаем и бутербродами несла Светлана.

Пришли. На берегу озера уже лежали, сидели, стояли желающие принять водные процедуры. Бабушка достала легкое покрывальце и постелила на травке, предусмотрительно выбрав местечко в тени деревьев, поодаль озера.

Солнце припекало. Сбросив халатики, девочки вместе пошли купаться. Бабушка скинула легкую кофточку и, оставшись в легком летнем платье, взяла за руки внучек. Многие уже были в воде, купались — кто с детьми, кто парами, подростки шумно и весело брызгались, создавая веселое настроение.

Вода сверху была очень теплой. Но чем дальше отходили от берега, тем сильнее чувствовался резкий холод по ногам. Олю бабушка взяла на руки. Они дошли до того места, где вода была бабушке по пояс, а Светлане — чуть ниже плеч. Бабушка стала опускать младшую внучку в воду, но та захныкала и не хотела купаться. Тогда бабушка слегка намочила руки и ноги Оли озерной водой, и они отправились на берег.

— Света, матушка моя, долго не будь. Не зябни. Покупайся маленько и выходи, — словно к взрослой обратилась бабушка.

Светлана немного растерялась: сначала появилось сиюминутное желание побрести по воде за бабушкой, но что-то остановило ее.

«Бабушка считает меня уже взрослой. Я все-таки первоклассница. Покупаюсь», — решила она в последний момент и тихонько пошла по илистому дну озера вперед, где резвились, играли в догонялки дети чуть постарше.

Небо было чистое, голубое. А солнышко стояло в самом зените, ослепляло и, казалось, из всех своих космических сил нагревало все, что можно было нагреть, согреть, обогреть...

Все дальше уходила Светлана от берега, все холоднее становилась вода в самом низу озера — там, куда приходилось наступать, делая следующий шаг. Ноги у Светы стали замерзать. Поплавав немного — минут пять или десять? — она взглянула на берег. Народу было видимо-невидимо: приезжие гости, местные жители да из соседней деревни тоже — все побросали свои дела и прибыли к спасительному водоему охладиться, освежиться. Вот только бабушку с Олей старшая внучка не увидела. Точно помнила она, что прямо под деревьями расположились они, как пришли. Прямо напротив. Никого под деревьями не было...

От досады, обиды и какого-то гнетущего одиночества, что разом нахлынуло на нее, Светлана расплакалась. Вода доходила ей чуть ниже плеч. Чтобы никто не увидел, что она плачет, когда всем весело и хорошо, она смочила лицо озерной водой и потерла глаза пальцами.

Так простояла она еще минуты две. Или три. А может, пять... Время лениво тянулось, растекалось по озерной глади и словно не хотело вообще двигаться. Вдруг в толпе разноглосья Светлана услышала такой родной бабушкин голос:

— Све-т-а-ааа! Выходи, матушка, выходи-и-и!

Сквозь заплаканные глаза она увидела бабушку Олю, которая держала в левой руке Олину ладонь, а правой — махала ей. Ее зовут! Бабушка зовет! Со скоростью молнии — как ей показалось тогда — она преодолела водную толщу и выбежала на песчаный берег.

— Ну, иди ко мне, матушка ты моя! Озябла, поди! — как-то виновато улыбаясь, проговорила бабушка, стоя в наполовину мокрому платье. Света прильнула к ней на секунду и чуть снова не расплакалась. Переоделись, посидели в тенечке, перекусили, попили душистый чай из термоса — у бабушки он всегда был душистым. И только потом Светлана спросила:

— А где вы были? Я вас потеряла...

Бабушка рассмеялась.

— Миленькая! Да вот Олюшке приспичило, пришлось в другие кустики бежать, подальше. Ах ты, моя матушка... Испугалась, поди?

Но Света не подала виду... Улыбнулась и отрицательно помахала головой.

Пришли домой. Помыли ноги в теплой воде, в тазике. Бабушка уложила внучек спать вместе на своей перине и пошла за своей кормилицей Милой на луг за железной дорогой. Вечер прошел тихо, спокойно. На ночь бабушка попила чай, девочки — молоко.

На следующий день Светлана почувствовала себя неважно: болела голова, першило в горле. Бабушка, заметив ее состояние, дала градусник измерить температуру. Тридцать восемь и девять. Достала свои записи, которые вела по совету тети Нины — медик все-таки. Нашла лекарство, дала Светлане. Велела выпить горячий чай с малиной и укрыла ее пушистым и в то же время тяжелым одеялом. Света поспала. Пропотела. Хотелось уже выбраться из плена утеплительных средств. Но бабушка строго сказала:

— Давай-ко сменим одежонку-то на сухую, но пока с постели не вылезай, милая.

Так весь день был проведен в постельном режиме. Ближе к позднему вечеру, закончив все свои дела, бабушка позвала внучек к столу ужинать: толченая картошка с куриными котлетами и подливой очень аппетитно выглядели на столе.

— Как вкусно! — воскликнула Оля.

Света улыбнулась и стала выбираться из постельных баррикад.

— Ну как у тебя, матушка, головушка как? — обращаясь к старшей внучке, спросила бабушка.

Света, продолжая улыбаться, ответила:

— Хорошо, ничего не болит уже.

— Слава Тебе, Господи! — с облегчением произнесла Ольга Александровна и перекрестилась.

Поежили. Телевизор не включали. Чуть осипшим голосом Света попросила:

— Бабушка, расскажи сказку.

Ольга Александровна постелила старшей внучке на раскладном диване, а сама с младшей внучкой расположилась на своей большой кровати. Свет в комнате был выключен, только ночник уютно и матово светил на тумбе около бабушкиной кровати.

— Ну, слушайте, мои полуночницы. Жил-был зайка-побегайка. И была у него избушка лубяная..., — ласково сказала бабушка и увлекла девочек в дивный сказочный мир, где добро обязательно побеждает зло. Девочки после второй сказки крепко уснули. Бабушка подошла к Светлане укрыть ее посылнее. На правой ноге чуть выше колена увидела какой-то волдырь...

Нет, это был не волдырь. Это был назревающий чирей. Самый настоящий фурункул. Бабушка взяла очки с тумбочки и напряженно, но аккуратно стала осматривать живот внучки. Еще один фурункул «нарождался» на пояснице и еще один аккурат на мягком месте.

«Озябла! Тогда, на озере, озябла все-таки моя матушка», — тихо, молча, про себя сделала выводы бабушка. Ни секунды не медля, она набросила халат и выбежала в огород: за ромашкой. Приготовила из нее отвар. Густой, пахучий. Пока он остывал, срезала с цветка, стоявшего на большом окне широкий лист алоэ, сполоснула водой, вытерла полотенчиком и стала нарезать квадратные лоскутики. Сложила марлю в три слоя и тихонечко обработала все три нарыва. Света заворочалась, посапывая во сне.

— Спи, спи, милая, я здесь, — успокоила ее бабушка. Теперь осталось наложить на фурункулы квадратики из алоэ. Разрезав полоску лейкопластыря на аккуратные кусочки-заплатки, Ольга Александровна ловко приклеила части чудодейственного растения на покрасневшие нарывы. Тепло укутав Свету и поцеловав ее в горячую щечку, она достала теперь свои записи — заговоры, которыми пользовалась уже много лет. И всегда помогало. Встав на колени перед диваном, наклонившись над своей книжонкой, бабушка начала шепотом приговаривать:

— Как дерево смолу выпускает, так пусть чирей гной из себя толкает. И как на дереве сучок сохнет, засыхает, так и у рабы Божией Светланы все ссохлось, заросло, Божиим словом зажило...

Трижды прочитав заговор с заключительным: «Аминь. Аминь. Аминь», Ольга Александровна трижды перекрестилась. И, вздохнув с облегчением, отправилась спать.

Ранним утром Свету разбудил звонкий крик петуха. Она лениво открыла глаза и увидела на полу бабушку: она была на коленях. Подложив под ноги маленький коврик, Ольга Александровна горячо молилась. Можно было услышать обрывки молитвенных фраз: «...да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет Воля Твоя...»

Каждое слово бабушка проговаривала громким шепотом, каждое слово было важным и главным. Светлана подняла глаза на образ, на который молилась бабушка: в углу, под самым потолком на специальной полочке, застеленной белой тканью, отороченной нежным кружевом, стояла икона — Казанская икона Божией Матери. Сбоку от иконы лежало темно-оранжевое пасхальное яйцо. Не на боку. Оно возвышалось вертикально, видимо, на колечке или каком-то специальном приспособлении. Все это дополняло ту картину, на фоне которой бабушка молилась очень искренне, от души...

Светлана смотрела на это сакральное действо и не смела пошевелиться. Даже дыхание немного «приостановила», стараясь подольше растягивать вдох-выдох. Бабушка была в белом платке. Света не видела ее ни разу в этом чисто-белом платке. Ольга Александровна творила молитву истово: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» Сама. Без бумажек. Без книг. Без записей. Она разговаривала с Богородицей напрямую и просила ее услышать. Вот что было важно.

Закончив молитвы, бабушка после каждого крестного знамения совершила поклон. Тут Светлана поняла, что бабушка сейчас начнет вставать. Мигом прикрыв глаза, она притворилась спящей. Ольга Александровна неспешно встала, тихонько прошла к двери и также тихонечко вышла. Доить свою любимую кормилицу. Полежав немного с закрытыми глазами, Светлана убаюкалась полной тишиной, умиротворением и уснула.

Проснувшись во второй раз этим утром уже от шума закипающего чайника и приятно скворчащей на сковородке яичницы, Света решила вставать. Ольга еще досматривала сны, сладко посапывая в подушку, на которой спала бабушка. Ее светлые волосы разметались по подушке.

Улыбнувшись и радуясь новому дню, старшая внучка подошла к бабушке, хлопочущей у плиты, и прижалась к ней. Так хотелось что-то сказать приятное, доброе, милое. Но она просто обхватила ее руками за спину и стояла так, словно напиваясь и заряжаясь на весь день.

— Ах ты, матушка моя, проснулась уже? Сейчас будем завтракать. Буди Олю-то, солнышко уже вон, высоко.

Будить сестренку не пришлось: она уже лежала с открытыми глазами, вдыхая аппетитные запахи предстоящего завтрака.

— Оль, пойдем мыться? — весело предложила Света, и лохматая Оля бодро вскочила с перинного облака и спрыгнула на пол.

Мылись вместе из умывальника. Чистили зубы зубным порошком «Мятный». Было очень забавно смотреть друг на друга во время умывания. И девочки засмеялись. И бабушке тоже стало весело! Позавтракали. Лишь потом бабушка Оля обратилась к старшей внучке.

— А ну-ко, давай, Света, показывай свои нарывы, вчера я тебя полечила немного, а ты уже спала, милая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.